

Н. Р. <Н. С. РУСАНОВ>

Сомнение советской души

Злейшие предатели — наши ближайшие друзья, как гласит в вольном русском переводе известная французская поговорка. У советского чиновника Лундберга нашелся такой очень близкий приятель-предатель: это сам он, ощутивший потребность рассказать издателям берлинского большевистского официоза «Новый мир», почему им была уничтожена последняя книга Льва Шестова о большевизме.

Прочитав это объяснение, читатель, правда, все-таки не поймет, зачем надо было истреблять шестовскую вещь. Но зато, как человеческий документ, косноязычное излияние не лишено интереса. Ибо в нем отражается и вся душа этого скромного большевистского земноводного — душа, как полагается ей по штату у таких существ, «видом малая и не бессмертная».

Итак, слушайте: «Полтора года тому назад мною (советским чиновником) решено было приобрести право на издание “Философских сочинений Льва Шестова” — в том числе “Критики большевизма с библейской точки зрения”». И хотя «во время переписки» с автором советскому чиновнику «стало ясно, что корни его (Шестова) критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я (советский чиновник) полагал», советский чиновник принял героическое решение и «предложил писателю следующее: пусть он пришлет манускрипт, я отдам его, не читая, в типографию. Я не могу быть его издателем... но я могу помочь автору издать — как собственное его издание (напечатано жирным шрифтом) — книгу в Германии».

Казалось, чего бы лучше. Но тут под сводами черепа советского чиновника разразилась страшная буря. Прежде всего, чиновник почувствовал, что «произвел над собой насилие» и предположил, что «и Лев Шестов тоже произвел над собой насилие». А в результате «в услуге» «не было радости и чувства свободы». Тем временем «рукопись была послана в типографию. Но когда пришли первые корректуры — я был вне себя... Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно, и психологически. Я написал Льву Шестову более чем резкое, несдержанное письмо. Оно было таково — что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его...».

Тут читатель, конечно, невольно привскочит и спросит себя: то есть как это «его»? Кого? И как «спасти»? Что это? Большевистская описка? О чем думал, начертывая эти строки, советский чиновник? О том, что Шестова за книгу собственно должно было бы уничтожить? И что надо было спасать его?

А буря под сводами советского черепа все крепчала и превращалась в настоящий ураган, который опрокидывал самые твердые принятые чиновником решения. В самом деле, «книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, издана она была не мною... Но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу, — т. е. в момент, когда даже косвенно мои отношения к этой книге прекращались и вся работа и контроль над продажей переходил к Льву Шестову...» — читатель ждет, конечно, здесь всего, что угодно в этот «момент», но только не следующего чиновничьего поступка: «Я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книги, опечатали пакеты и возвратили в типографию».

Засим книгу советский чиновник продержал в типографии «более полугода», — пока «то замолкая, то разгораясь шел в письмах мой (чиновничий) спор с Л. Шестовым», — и в конце концов уничтожил ее, но «не тридцать тысяч экземпляров, как утверждает “Руль”, а пятнадцать тысяч», скромно поправляет чиновник. «Не могу и не хочу быть двурушником», — писал он об этом выполнении кантовского императива автору...

Итак, вот «история одной книги», рассказанная мною в выражениях самого истребителя. Что сказать о ней? Живет себе маленький литератор, но большой неудачник. Живет, что-то пишет, хватаясь то за то, то за другое направление, сегодня марксист, завтра «друг» и «ученик» Шестова, но послезавтра левый эсер, а там и служитель большевизма. Потому что оно, конечно, философия философией, шестовская или какая другая. Но *primum vivere, deinde philosophari* — надо поддерживать прежде всего свое брэнное существование, а там уже и разводить философические туры на колесах можно. Бедная, видом малая и не бессмертная душа! Вся-то она здесь в свою натуральную величину. И сколько питается в большевистском болоте таких скромных, меланхолически квакающих что-то во хвалу советского коммунизма земноводных, пока энергиею здоровых русских людей не будет уничтожена большевистская трясина, и видом малые, и не бессмертные люди затянут другие песни!.. Вот только жечь им ничего не позволят!..